

Ботакоз Копбаева

Замуж за турка

Книга первая

Ботакоз Копбаева

Замуж за турка. Книга первая

«Издательские решения»

Копбаева Б.

Замуж за турка. Книга первая / Б. Копбаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934275-1

Что ждет тебя, женщина, осмелившаяся на любовь? Это будет полная восторга жизнь или тебе предстоит испытать горечь разочарования? Есть только два пути: ты будешь или счастлива, или несчастна. И лишь тебе решать, по какой из дорог отправиться...

ISBN 978-5-44-934275-1

© Копбаева Б.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Замуж за турка Книга первая

Ботакоз Копбаева

Посвящается Женщине...

Литературный редактор Наталья Бугаец

© Ботакоз Копбаева, 2018

ISBN 978-5-4493-4275-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-4330-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Наташа

Глава 1 Инопланетянин

Солнечный зайчик воровато спустился с подоконника и застыл в неподвижности. Убедившись в том, что ему ничто не угрожает, он прыгнул на комод и уже там, притаившись на страницах раскрытого ежедневника, хорошенько осмотрелся, осмелел и бесцеремонно запрыгал по замысловатым флаконам и склянкам.

Врезаясь во всё, что попадалось на пути, он щедро разбрызгивал по комнате разноцветные лучи и заливался весёлым смехом. Вдоволь наигравшись, он отразился в зеркале чудными огоньками, придирчиво разглядел себя со всех сторон и остался доволен. Кинув взгляд на циферблат часов, зайчик воскликнул: «Уже полдень! Как я увлёкся!» – и растворился.

– Полдень?! – удивлённо сказала вслух Наташа.

– М-м-м-м – раздался мужской голос.

– Мамочки... – пискнула Наташа и повернула голову.

Крупный, темноволосый мужчина, по-хозяйски раскинувшись на кровати, сонно улыбался Наташе.

– Гюн айдын, севгилим!¹ – заговорил мужчина на неизвестном языке.

– Инопланетянин... – дрожащим голосом произнесла она.

– Пири-э-э-э-т, Наташа, – подавляя зевок, сказал инопланетянин и потянулся к ней.

– Э-э-э-э...

– Э-э-э-э-т², – произнёс гуманоид и притянул её к себе...

Осторожно выбравшись из-под одеяла, она присела на кровати. Тапок в привычном месте не оказалось. Наташа посмотрела на своё отражение в зеркале платяного шкафа и замерла.

– Ты кто? – спросила она у неизвестной женщины со спутанными волосами.

– А ты? – вопросом на вопрос строго ответила женщина.

– Н-Н-Наталья Ми-михайловна Новикова, – запинаясь, ответила незнакомке Наташа и икнула.

– Что-то не похожа, – поджала губы собеседница.

– Могу паспорт показать.

Незнакомка глубокомысленно и осуждающе промолчала. Виновато вздохнув, Наташа окинула взглядом свою спальню.

– Мама дорогая...

– Нет, вы видали? Маму она вспомнила! – неизвестно к кому обращаясь, возмущенно прикрикнула на Наташу зазеркальная особа.

Открывшаяся взгляду картина живописно и безжалостно воспроизводила события вчерашнего вечера. Зацепившись за угол кровати бретелькой, и нарочито выставив свои поролоновые холмы, замер в позе висельника её любимый французский бюстгальтер.

– Покончил с собой? – осторожно предположила Наташа.

¹ Доброе утро, любимая

² Да

– Приговорён к казни через повешение, – уверенно поправила незнакомка и, подумав, добавила, – За аморальное поведение!

Беспомощно вытянув рукава, лежал на полу Наташин шёлковый халат.

– Пал смертью храбрых?

– И умер бедный раб у ног непобедимого владыки... – процитировала классика незнакомка.

– Бедненький.

– Нашла кого пожалеть, – укоризненно возразила собеседница и поправила волосы.

– Уф, слава Богу, это ты, – облегчённо вздохнула Наташа.

– Я-то – я, – подхватило отражение, а он кто такой? – указав пальцем на спящего мужчину, строго спросило отражение.

– А это – инопланетянин, – трусливо втянув голову в плечи, ответила Наташа.

– Ага. А ты интердевочка? – саркастически подхватило отражение.

– Я?

– Ну не я же! – гневно глянуло отражение и покрутило пальцем у виска.

Инопланетянин спал. Интердевочка, накинув на плечи халат, вышла из спальни. Часы на комодке показывали три часа по полудни.

Ванная комната обожгла сознание отрезвляюще-белоснежным сиянием.

– Может быть, мне всё приснилось? – ощупывая взглядом предметы, спросила она.

– И не мечтай! – высокомерно ответило ей отражение и ткнуло пальцем на новенькую зубную щетку, – При-го-то-о-о-вилась! И когда это вы, Наталья Михална всё успеваете? – притворно удивляясь, злорадствовало отражение.

В этот момент дверь ванной комнаты распахнулась и в неё вошёл закутанный по пояс в нежно-розовую сатиновую простыню темноволосый и широкоплечий инопланетянин.

– Пиривэт! – сказал он человеческим голосом и, придерживая сползающий с талии сатин, добавил, – Как дила?

– Хэлоу, хаудуюду, – разглядывая тянувшийся за ним нежно-розовый хвост, ответила гуманоиду Наташа.

Инопланетянин нахально улыбнулся, уверенно подошёл и смачно поцеловал её в губы. Наташа издала неопределенный звук и зажмурилась.

– Харашо, – кивнул головой пришелец, цокнул и ущипнул её за щеку и принялся умываться.

Не произнося ни слова, Наташа протянула ему зубную щетку. Чистоплотный инопланетянин с явным одобрением принял этот дар, подмигнул Наташе и приглашающе кивнул головой, мол, давай, землянка, сделаем это вместе. Ведомая незнакомым чувством Наташа подчинилась и послушно присоединилась к нему.

Минуты две они чистили зубы, глупо улыбались и разглядывали друг друга. Самоуверенный гуманоид явно остался доволен процессом, подмигнул Наташиному отражению и повелительно произнес:

– Кофе!

Торопливо смыв остатки зубной пасты, она бросилась на кухню варить кофе.

Пузатый чайник осуждающе глянул на хозяйку и фыркнул.

– И тебе доброго утра, – озабоченно поздоровалась с ним Наташа.

– Инопланетя-я-я-я-нин, – растянул губы в ехидной усмешке чайник.

– Представь себе! – беззлобно ответила ему Наташа, – Инопланетянин...

Через 10 минут, облачившийся в одежду землянина пришелец, пил кофе и уплетал вполне земную, пусть и немного пригоревшую, яичницу.

– Чок гюзаль³! – закончив завтракать, сказал он и поцеловал Наташину руку.

– Ой, ты чего? – одёрнула руку она.

– Сыпасыба, очен выкусна! Пака! – произнёс галантный инопланетянин, встал из-за стола и вышел из кухни.

Плохо соображая, Наташа неподвижно сидела на табурете. Когда входная дверь хлопнула, она очнулась, тряхнула головой и с громким криком «Пока!» бросилась за прищельцем.

Прихожая была пуста. На обувной полке обиженно и косолапо стояли Наташины парадно-выходные туфли. Удивлённо разинув рот, застыла в недоумении сумочка. Нарядные, белые босоножки брезгливо отвернулись от хозяйки. Кожгалантерея бездвигательно молчала и лишь красный японский зонт, всё ещё слегка покачиваясь и поглощая следы присутствия инородного тела в квартире, маминым голосом вымолвил: «До-ка-ти-лась!»

Если бы эту мысль высказал доживающий свой век в Наташиной спальне старый будильник, или, скажем, вечно недовольный пузатый чайник, она отреагировала бы по-другому. Но этот зонт был подарен мамой в день Наташиного тридцатилетия.

– Ма-а-а-а-м-о-о-чка-а-а-а, – позвала Наташа, опустилась на пол и по-бабьи завывала в голос...

³ Очень хорошо!

Глава 2

Грехопадение

Инопланетянин, непостижимым образом материализовавшийся в Наташиной реальности накануне вечером, был турком и носил необычное для русского слуха имя Эмрэ. Это было всё, что Наташа знала о нём доподлинно.

В семь часов вечера вчерашнего дня Наташа и не подозревала о его существовании. Она вела пристойную жизнь заслуженного учителя России, а по совместительству сорокадевятилетней давно разведённой Натальи Михайловны Новиковой.

Даже в тот момент, когда в её стерильной квартире раздался телефонный звонок, она не почувствовала никаких признаков надвигающегося грехопадения.

– Собирайся, поедem в Анталию! – бодро скомандовала школьная подруга Света по телефону.

– Куда?

– В Анталию. Кафе новое в центре открылось, «Анталия» называется, через час заеду за тобой.

– В какую ещё Анталию, Свет, уже поздно, – пыталась возразить Наташа, но подруга бросила трубку. Возражений она никогда не принимала.

Недовольно натягивая на себя платье, Наташа возмущалась: «Вот вечно придумает себе развлечение! Чего дома не сидится? Ночь на дворе!»

– Могла бы и ресницы подкрасить, – вместо приветствия упрекнула её подруга, когда Наташа садилась в машину.

– Да ладно, кто на нас смотрит-то? – недовольно ответила на её выпад Наташа.

Они дружили с пятого класса и их разговоры походили на ворчливые беседы двух старых супругов, приговоренных к пожизненному сосуществованию.

– Ты как? – примирительно спросила Света.

– Грущу, каникулы же.

– Когда грустно, надо веселиться, Нат! И мужика тебе надо...

В кафе с солнечным названием «Анталия» было немногочленно. Нарядные столики призывно манили свежестью скатертей, мягкие диваны многообещающе приглашали в свои объятия. Выбрав столик подальше от сцены, подруги изучали меню. Названия предлагаемых блюд были для Наташи сплошь незнакомыми, но Света, лет пять назад побывавшая в реальной Анталии, легко справилась с заказом. Черноглазый официант, приятно улыбнувшись гостям, удалился. Женщины молчали.

Единственной темой, которая вносит оживление в разговор двух подруг, являются отношения с мужчинами, однако мужчин в жизни Светы и Наташи не было, а потому говорить в этот пятничный вечер им было особо не о чем. Пока подруги безмолвствовали, официант вернулся и приступил к сервировке. В качестве аперитива подруги выбрали красное сухое вино и пряный сыр.

– Турецкий? – указывая на сыр, спросила официанта Света.

– Канэшна, – ответил ей официант и разлил вино по бокалам.

Вино оказалось терпким. Сделав глоток, Света, как заправский дегустатор, заключила: «Хорошее!» Сыр был тоже одобрен.

– И, правда, турецкий, – со знанием дела сказала она.

– Ты что же, помнишь вкус турецкого сыра? – спросила Наташа от скуки.

– Канэшна, – передразнивая официанта, ответила Света.

После первого бокала вина, настроение улучшилось и разговор плавно потёк по проторенному руслу.

– Как там Таня? – поинтересовалась Света.

– Нормально, – ответила Наташа, – Работает. А как Денис?

– Нормально. Учится.

Разговоры о детях в иерархии женских бесед стоят на почётном втором месте после разговоров о мужчинах. Сын Светы Денис, двадцатилетний студент мединститута, доставлял матери много хлопот. Она родила его от прикомандированного в их город инженера. Света никогда не пользовалась успехом у мужчин и совершенно не переживала по этому поводу, она всегда была пацанкой, бесшабашной и серьёзной одновременно. По окончании института, она устроилась на работу рядовым бухгалтером главного, как тогда говорили, градообразующего предприятия города, а сейчас была уже финансовым директором огромного нефтяного комбината.

– Ну что, давай выпьем за то, чтобы ты побывала в настоящей Анталии! – подняв бокал, провозгласила тост Света.

– Давай, – без особого энтузиазма ответила Наташа и сделала большой глоток.

В тот момент, когда она собралась было объяснить причины, по которым никогда не поедет в Анталию, грянула музыка и красивый мужской голос затянул грустную песню на неизвестном Наташе языке.

– Наверное, о любви поёт, – подумала Наташа.

– А мужика тебе надо! – перекрикивая музыку, уверенно повторила Света.

– Да где ж его взять, мужика-то, – прокричала в ответ Наташа и осеклась.

К их столику подошёл высокий мужчина и, обращаясь к Наташе, произнёс:

– Добрый вэчэр! Можна данс?

– Что, простите? – интеллигентно переспросила она.

– Данс можна? – громко и отчетливо повторил мужчина.

– Эмрэ, – показав на себя пальцем, представился кавалер когда они танцевали. Затем он сделал вопросительные глаза, указал пальцем на Наташу и сказал:

– Ти как завут?

Обручального кольца на руке мужчины не было.

– Наташа – срывающимся голосом ответила она.

– Наташа? – странно улыбнувшись, повторил мужчина, одобрительно кивнул и закружил её в танце...

Разговора не получилось. Во-первых, слова грустной, предположительно любовной песни, были известны Наташиному партнеру и он, выразительно двигая бровями, подпевал певцу. Во-вторых, Эмрэ практически не говорил по-русски, а Наташа не говорила по-турецки. Она впервые в жизни видела живого турка.

Когда танец закончился, Эмрэ проводил Наташу до столика и галантно раскланялся.

– Откуда в нашем городе турки? – спросила она Свету, усаживаясь на своё место

– Наверное, из Турции, – пошутила в ответ подруга.

– Ценное замечание, – подхватила шутку Наташа и чихнула.

– Чок яша⁴! – произнёс уже знакомый мужской голос.

– Буд зыдарова! – вторил ему неизвестный Наташе бас.

Это был Эмрэ, рядом с ним стоял смуглый, полноватый мужчина невысокого роста.

– Пиривет, я Мехмет, – представился мужчина и, сделав приглашающий жест, произнёс, – Можна к нам!

⁴ Долгих лет!

– Лютфен⁵! – сказал Эмрэ.

Женщины переглянулись. Света сделала недовольную гримасу и отрицательно покачала головой. Мужчины одновременно посмотрели на Наташу. Странное ощущение надвигающегося чуда неожиданно накрыло её, она вдруг почувствовала себя молодой, белокурой студенткой, полной надежд и введомой неизвестно кем оброненным обещанием счастья.

– Свет, пожалуйста, пойдем с ними, – не узнавая свой голос, попросила она подругу.

Многозначительно округлив глаза, Света подчинилась Наташиному желанию и женщины приняли приглашение.

По негласному мужскому сценарию распределение кавалеров и дам было произведено в процессе рассадки за столиком. Света и Мехмет сели рядом и составили пару равнодушных друг к другу людей, случайно оказавшихся свидетелями на чужом празднике. Эмрэ усадил Наташу рядом с собой.

Сначала, случайно встретившись взглядами, они отводили глаза и смущались, когда соприкасались их плечи. Постепенно свыкаясь с присутствием друг друга, они становились всё ближе. Затем, окончательно преодолев робость, мужчина и женщина сплели в замысловатый узел свои пальцы.

Как соучастники еще несовершенно, но уже задуманного преступления, они всё теснее прижимались друг к другу, словно хотели получше расслышать голоса своих сердец.

– Тук-тук? – задавало вопрос мужское сердце.

– Тук-тук? – в смятении переспрашивало женское.

– Тук-тук, – заверяло сердце мужчины.

– Тук-тук, – замирая, соглашалось сердце женщины.

Наташе казалось, что этот перестук должен быть слышен на самой дальней планете. Она представляла себе, как её жители, уловив биение их сердец, оставляли свои дела и улыбались.

– Это любовь, – на неведомом языке, говорили они и Наташа их понимала.

Заглядывая в глаза Эмрэ, она улавливала незнакомые вибрации и входила с ними в резонанс. Подчиняясь им, она всё дальше и дальше продвигалась вглубь неизведанного ею мира. Обычно рассудительная Наташа периодически одёргивала себя, однако голос рассудка бессилен перед зовом природы.

Давно забытое предвкушение счастья захватило её. Нисколько не сопротивляясь, она отдалась ему без остатка и стала вдруг невесомой...

– Ты чего, Нат, он же турок командировочный! Закончится его контракт и укатит он в свою Турцию, а ты будешь плакать. Опять... – глядя на Наташино отражение в огромном, нарядном зеркале туалетной комнаты, отчитывала подругу Света, – Давай, мать, соберись, зачем тебе это, а? Ты ж шутить-то не умеешь, вон по глазам вижу, уже влюбилась!

– Ты же сама говорила, что мужика мне надо, ну вот, накаркала, – смелась в ответ подруге Наташа.

Ей было весело и легко. Еще много раз Эмрэ кружил её в танце. Ощущения, музыка, запахи, тепло рук мужчины, его голос и внезапно обретенная Наташей невесомость, слившись воедино, разлились по её телу предчувствием бесконечности счастья.

Она пришла в себя лишь в прихожей, когда, переводя дыхание и готовясь броситься в омут очередного поцелуя, небрежно кинула взгляд на своё отражение.

– Пропала женщина, – грустно вздохнув, сказала отражение.

– Пожалуйста, молчи, – шёпотом попросила она.

⁵ Пожалуйста.

Отражение в спальне, надрывая связки, пыталось образумить её, но она уже потеряла способность слышать. Природа величаво и громогласно заявила свои права и Наташа, оглохнув, ослепнув и утратив чувство реальности, слилась со своим естеством...

Глава 3

Бледная тень Барака Обамы

Сидя на полу прихожей, Наташа ещё долго всхлипывала.

– Мама, мамочка, где ты... – жалобно повторяла она.

Никто не отозвался на её призыв. Никто не бросился утешать рыдающую женщину. Отражения, предметы, внутренний голос и телефон равнодушно молчали.

Охрипнув от стенаний и выплавав все слёзы, отличница системы образования России госпожа Н. М. Новикова, опустилась на четвереньки и поползла в спальню. Она двигалась медленно, интуитивно растягивая и смакуя минуты первобытного состояния.

– Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре – отсчитывала Наташа.

Остановившись в дверях кухни и привалившись к косяку, она обратилась к висевшему на стене прихожей портрету Чарльза Дарвина:

– Дорогой Дарвин, прошу тебя, сжался надо мной! Ну что тебе стоит превратить меня обратно в обезьяну?

Дарвин остался глух к её мольбам и Наташа, снова опустившись на четвереньки, медленно поползла дальше. Следующий привал она сделала у порога ванной комнаты.

– Или преврати меня в рыбку, в безмозглую, беззаботную макрель. Я уплыву подальше от этого места и буду плавать по морям, пока меня не выловят рыбаки. Старуха-мексиканка с выцветшими от времени глазами положит моё тельце на жаркую сковороду и я растворюсь в раскалённом масле. Ах, какое это должно быть наслаждение! – продолжила свой диалог с Дарвином Наташа.

Она зажмурила глаза. Чуда не произошло.

– Падшая женщина, это – блядь! – тяжело вздохнув, объявила Наташа, снова встала на четвереньки и продолжила свой путь. Дорога в спальню лежала через гостиную. Нужно было набраться сил перед объяснениями: со стен гостиной на неё строго глядели Софья Ковалевская, Лобачевский и около трёхсот юношей и девушек, её выпускников. Присев на пороге комнаты, Наташа спросила у Софьи Ковалевской:

– Вы знали, что позвоночник уравнивает разум и естество?

Софья Васильевна промолчала.

– Между прочим, горизонтальное положение для женщины гораздо полезнее вертикального, – авторитетно сообщила Наташа, – Вот я ползу-ползу и мне хорошо, а как сяду, так задумаюсь, а как задумаюсь, так чувствую себя блядью. А блядью быть нехорошо. Это стыдно, правда? – перешла на шепот Наташа.

– Не блядью, а самкой, – также вполголоса поправила Наташу Софья Ковалевская.

– А разве есть разница?

– Разумеется, – уверенно ответила Софья Васильевна, – К тому же тот факт, что позвоночник – это математический знак равенства между разумом и инстинктами, давно известен.

– Правда? – удивилась Наташа и медленно вползла в гостиную.

В центре комнаты она остановилась.

– Пожалуйста, не смотрите на меня так, – жалобно попросила Наташа Лобачевского, – Вам не понять, вы мужчина...

Обычно вежливый Лобачевский проигнорировал Наташино обращение.

– Эх вы, а ещё математик! Хотя, математикам даже Нобелевская премия не полагается. А всё почему? А всё из-за любви! – и она тихонько захихикала.

Тремя сотнями пар удивлённо округлившихся глаз уставились на свихнувшуюся «классную» восемь Наташиных выпусков. Мальчики пожимали плечами и осторожно крутили пальцами у висков, девочки, сдерживая приступы смеха, зажимали рты ладошками.

Через минуту в гостиной стоял разноголосый хохот, и громче всех в этом хоре смеялась кандидат педагогических наук Наталья Михайловна Новикова.

Когда серьёзный Лобачевский, не выдержав, разразился густым, басистым смехом, когда Софья Васильевна, согнувшись и держась за живот, начала слабо всхлипывать, когда Наташа была близка к спасительной смерти от надрыва кишок, раздался металлический стук.

– Хватит ржать, весь дом перебудили!

– Это соседка, – шепотом сообщила Лобачевскому Наташа, – Сейчас снова будет стучать по батарее.

Стук повторился.

– Вот видите! — пожаловалась Наташа, – Нервная она женщина, от неё недавно муж ушёл.

Лобачевский сочувственно глядел на Наташу.

– А что мне теперь делать? – спросила она.

– Немедленно ползи спать! – велел Лобачевский.

– Спасибо! – прошептала Наташа.

В спальне было темно. Приблизившись к кровати, она попыталась взобраться на неё, но не смогла.

– Немедленно спать, – сказала себе Наташа и, свернувшись калачиком у подножья непокорившейся высоты, уснула.

Она крепко спала. Изредка, заставляя её веки подрагивать, приходили обрывки чьих-то образов, мелькали смутные тени и неузнанные Наташей голоса звучали в её голове странным эхом. Под утро она увидела сон. Ей приснился Президент Соединенных штатов Америки Барак Обама, который, заглянув в её глаза, нежно сказал: «Гюн айдын, ашкым⁶!»

⁶ Доброе утро, любимая

Глава 4

Вечный вопрос

– Что со мной, – подумала Наташа, осторожно открывая глаза. Взгляд упёрся в странный предмет, который показался ей знакомым.

– Тапок. А я тебя искала. Привет, – хрипло и бесцветно поздоровалась Наташа.

Медленно выпрямляя окоченевшие ноги, она застонала. Наташа почувствовала себя надоевшей фарфоровой куклой, которую за ненадобностью бросили и разбили.

– Кукла Маша, кукла Даша, кукла Зина и Наташа...

Каждое движение доставляло боль, а вместе с болью к ней возвращалась память. Возвращение воспоминаний оказалось страшнее физического дискомфорта и Наташа, зажмурившись, замотала головой.

– Нет, нет, это была не я, этого не может быть! А может я умерла? Тогда почему мне больно?

Лежать на полу было твёрдо и холодно, нужно было вставать. Сначала она села, затем, схватившись о створку кровати, начала медленно подниматься. Миллионы тончайших игл вонзились в её ступни, и она рухнула на кровать. Непокорённая вчера высота была взята.

Тягучей болью упрекнула Наташу поясница, гулко и устало пожаловалось на жизнь сердце.

– Прости меня... – тихо попросила Наташа, положив ладонь на левую грудь.

Воспоминания сжалились и теперь они входили в её сознание прохладной лаской прохлады, еле уловимыми, похожими на приглушенный стон, звуками, волнующими запахами. Вступив в сговор, они зазвучали в Наташиной голове соблазнительной музыкой и пригласили за собой. Она провела рукой по нижней части живота и, в замешательстве, замерла. Что-то живое нетерпеливым движением откликнулось на её прикосновение. Она испуганно одёрнула руку и встала с постели. Часы на комодке показывали полдень.

Набрав полный чайник воды и поставив его на плиту, Наташа опустилась на табурет. Отсутствующим взглядом окинув комнату, она положила голову на стол и, обращаясь к сахарнице, сказала:

– Дала...

Сахарница хранила молчание...

Жизнь среднестатистической женщины – это ад, дорога в который вымощена трупами страдальцев, безвестно сгинувших в поисках правильного ответа на вопрос: давать или не давать?

– Сложность в том, что этот ребус невозможно решить, – с уверенностью знатока делилась наболевшим Ирка, – И дашь – блядь, и не дашь – блядь.

Этот разговор происходил несколько лет назад, здесь же, на Наташиной кухне. Ей тогда стукнуло 40, это было «время физрука».

С физруком соседней школы Евгением Сергеевичем Наташа познакомилась ещё в студенчестве на «картошке», когда он был просто Женькой. Он ухаживал за ней неромантично, без вздохов и восторженных взглядов. Собственно говоря, все его ухаживания сводились к тому, что в столовой он периодически садился напротив, подмигивал и во всеуслышание объявлял: «Хороший ты парень, Наташка!»

Однажды на танцах он попытался её поцеловать, но Наташа, ткнув его в грудь кулаком, отстранилась.

– Подумаешь, фифа! – обиделся будущий физрук и пригласил на танец курносую Копылову из параллельного потока.

На следующее утро за завтраком он, глядя в Наташины глаза наглым взглядом избалованного женским вниманием студента пединститута, положил конец своим «ухаживаниям».

– Наташа – три рубля и наша! – громко сказал Женька и засмеялся во весь голос.

– Дебил! – прикрикнула на него Наташа и убежала плакать в «Красный уголок»...

В год Наташиного сорокалетия Женька развёлся с женой и перешёл в категорию «женихов». Они встретились на очередной годовщине выпуска. Наташа не узнала его, Женька постарел и выглядел помятым.

– Старая любовь не ржавеет, – сказал он, приглашая её на танец.

К моменту их встречи, физрук уже полгода был в разводе, говорил, что устал от баб и решил остепениться. Дефицит холостяков превратил несимпатичного Женьку в предмет всеобщего вожделения. Желающих занять место той, с кем он остепенится, было множество.

У них было три свидания. Сначала они поужинали в ресторане, потом ходили в кино, а затем Женька пригласил её в гости. Наташа понимала, что это приглашение означает приглашение в постель и шла на этот шаг осознанно. Женька ей совсем не нравился, но выбирать было не из кого.

– Тебе уже 40, Наталья Михална, – уговаривала себя она, – Стерпится – слюбится...

Когда в темноте своей прихожей физрук Евгений Сергеевич набросился на неё и начал больно хватать за грудь, Наташа пыталась отшутиться.

– С ума сошёл! – кокетливо взвизгивала она.

– Да ладно тебе, – прошипел Женька и, оперевшись всей пятернёй в её макушку, стал давить на неё сверху, опуская Наташину голову куда-то в направлении пола.

Она сопротивлялась и пыталась выпрямиться. Тогда Евгений Сергеевич взял её за плечи и, с силой надавив на них, опустил Наташу на колени. Жёсткий пол больно впился в ноги. Встретившись взглядом с физруковской ширинкой, она не могла понять цели своего коленипоклонения и глупо улыбнулась. Одной рукой удерживая Наташу, физрук неуклюже растёгивал брюки. Она следила за его трясущимися руками и продолжала улыбаться, отказываясь верить в реальность происходящего. Справившись с ширинкой, физрук ткнул пах в лицо Наташе и просипел: «Давай!»...

Рискуя свернуть себе шею в темноте лестничной площадки, Наташа летела, перепрыгивая через ступени, сердце бешено колотилось, ей было и страшно и смешно одновременно.

– Зубы повыбиваю! Блядь! ... – завывая от боли, откуда-то сверху кричал физрук...

– В том и дело. И дашь – блядь, и не дашь – блядь, – философски произнесла Наташа и сняла с плиты закипевший чайник.

Глава 5

Самка

Чай был безвкусным. Такими же безвкусными и блёклыми ей показались все предметы на кухне. Занавески, которые ещё вчера радовали взор роскошной палитрой цветущего луга, в то утро обмякли и свесились с карнизов жалкой мешковиной. Абажур, обычно казавшийся солнечно-оранжевым, неожиданно выцвел и стал бледно-жёлтым. Всегда энергичный в своём пурпурно-красном сиянии гибискус, утратил былую силу и виновато рассматривал своё потускневшее одеяние. Яркое померкло, бледное обесцветилось.

Наташин мир утратил не только краски. Скоропостижно скончались все часы в её доме, а вместе с ними умерло и время. Уход времени оказался слишком тяжелой утратой и, не выдержав такого горя, Наташа заплакала.

– Дура, дура, дура, я дура, какая же я дура... – подвивая, сморкаясь и икая, повторяла Наташа.

Она долго плакала, поочередно вспоминая каждую из своих не выживших любовей, как мать вспоминает и оплакивает всех своих, умерших в младенчестве, детей. Извлекая из дальних углов памяти старые обиды, она подолгу всматривалась в них. Ей хотелось разглядеть причины своих несчастий.

На первый взгляд её обиды были разными. Однако было у них и общее качество: Наташе было страшно смотреть им в глаза.

Уловив её неуверенность, обиды осмелели, они ехидно прищурились, словно намекая на что-то неприличное.

Наташа отводила свой взгляд, гнала из памяти воспоминания, но кто-то внутри неё не позволял ей уклониться от этого душераздирающего созерцания.

– Смотри, это всё ты, – шептал незнакомый голос, – Ты прекрасна!

– Я? – недоверчиво переспросила Наташа.

– Конечно! – ответил голос.

– Но я... но мне... я тогда...

– Ты любила, – подсказал ей голос.

– Да, – ответила Наташа.

– Ты чудо!

– Я?

– Ты!

Невероятное тепло разлилось по телу. Наташе стало уютно и благодно, будто кто-то заботливо накинул на её плечи тёплый плед.

– Да, я их любила. Всех. Но разве может быть столько любовей?

– Любви не бывает много, – ответил голос.

– Но ведь это стыдно?

– Любить стыдно?

– Любить многих.

– Любви не бывает много! Помни об этом!..

Чай остыл. Наташа не знала, как долго длилось её оцепенение. Час? Два? Три?

– Вечность, – промелькнуло в её сознании.

– Мне так легко! Спасибо! – ответила она пространству.

Словно что-то тяжелое ушло из сердца. Было спокойно и безмятежно, как бывает после исповеди.

– В душ! – приказала она себе.

Душевая комната была всё такой же ослепительно белой, но эта белизна уже не резала глаз.

– Ты здесь? – обратилась она к синей щетке.

Вальяжно развалившаяся в стакане щетка, открыла глаза и, зевая, ответила:

– Канэшна!

– Спасибо, – поблагодарила её Наташа и вошла в душевую кабину.

Плотные струи воды приласкали её. Намылив вехотку, Наташа начала медленно и методично смывать с себя следы прошлого. Каждое движение отзывалось в ней новыми, неизвестными ранее ощущениями.

Воспоминания прошлой ночи впились в губы жгучим поцелуем, зазвучали в ней грустной песней, зашептали знакомым баритоном: «Наташа, Наташа, Наташа...»

– Эмрэ... – отдавая своё тело на растерзание бесстыжим струям воды, шептала она, – Эмрэ...

В ту секунду, когда Наташа почти растворилась в грешном экстазе, раздался телефонный звонок...

Она слушала Светин голос, но не слышала его. Обрывками ничего не значащих фраз, слова подруги доносились откуда-то из другого мира.

– Ты знаешь, Свет, Софья Ковалевская сказала, что блядь и самка это не одно и то же, а я ей верю, – медленно проговорила Наташа и бросила трубку.

Высоко подняв голову, она вышла в центр гостиной, встала перед портретом Ковалевской и сбросила с себя халат. Оставшись обнаженной, Наташа взглянула в глаза всех своих выпускников, легла на пол и раздвинула ноги.

– Самка, – шёпотом сказала она и в её голове оглушающим все земные звуки оркестром, зазвучала музыка. Сладостный зов потянул её за собой и, осторожно ступая, она вошла в пещеру уже не сдерживаемых желаний. Вибрация звучащей повсюду мелодии ввела её тело в блаженный трепет, свет померк и во мраке своего нетерпения она позвала возлюбленного: «Эмрэ!..» Судорожно хватая ртом воздух, она извивалась во всё ускоряющемся ритме страсти и молила: «Еще! Еще! Еще!»

Её тело растворилось в сладострастных звуках, уже не было рук, ног, живота, не было головы и сердца. Распластавшись на полу гостиной, она стонала и кричала. Взяв, наконец, самую верхнюю ноту, Наташа вздрогнула, затрепетала и, успокоено, стихла. Естество и разум вошли в равновесие...

Наташа открыла глаза. Смеркалось. Откуда-то издали раздавалось тикание будильника. Ощущение блаженства не покинуло её, оно было здесь, в изгибах её тела, в её руках, в её мыслях.

– Как это прекрасно! Почему я не знала, что это прекрасно! – удивилась она.

Перевернувшись на живот, Наташа встала на четвереньки и направилась в прихожую. Там, распластавшись перед входной дверью, она стала жадно втягивать доносящиеся извне запахи. Её ноздри подрагивали, она ловила каждое дуновение, каждый звук.

– Ты придёшь? – спросила женщина.

– Приду... – далёким эхом отозвался мужчина.

– Я знаю, ты придешь... – сказала женщина и забылась сном...

Когда в дверь постучали, было уже темно. Бледным отражением в зеркале освещал прихожую крохотный луч света уличного фонаря. Она встала на колени и открыла входную дверь. На пороге стоял Эмрэ.

– Входи, – сказала ему Наташа и он, изумлённо глядя на неё сверху вниз, вошёл.

Дверь захлопнулась. Грянула музыка. С первобытной жадностью обхватив его ноги, Наташа целовала их.

– Ашкым⁷, – простонал Эмрэ и отдался во власть посвященной ему мелодии.

– Мой! Мой! Мой! – шептала Наташа.

Словно к спасительному источнику, она прильнула к нему и сделала первый, страстный глоток.

Ничего не существовало вокруг, лишь опьяненный блаженством мужчина и страстно поглощающая солоноватую плоть его вождения женщина. Божественным нектаром излил мужчина свою благодарность женщине, и она приняла её.

– Наташа... – прошептал Эмрэ, поднял её на руки и внёс во мрак спальни.

Как страждущий путник, преклонив колени, по капле слизывает росу с распутившейся на рассвете розы, он трепетно испил её влаги.

Знак равенства между мужчиной и женщиной был поставлен.

Все звуки стихли, мир погрузился в безмолвие и лишь голоса шепчущихся мужчины и женщины звучали в ту ночь во всей Вселенной.

⁷ Любимая

Глава 6 «Математическая русалка»

Проснувшись, Наташа долго лежала в неподвижности. Она разглядывала Эмре словно хотела до мельчайших подробностей запечатлеть в своей памяти образ любимого. Он спал безмятежно, как усталый путешественник, обретший, наконец, отдохновение в прохладной тени склонившейся над рекой ивы.

Осторожно поднявшись и едва касаясь пола, она беззвучно вышла из спальни.

За окном загорался день. Яркими цветами метнулись навстречу Наташе кухонные занавески. Абажур вновь стал оранжево-солнечным и радостно колыхнулся, приветствуя хозяйку. Облачился в пурпур гибискус. Мир снова обрёл краски.

– Я умею летать! – шёпотом обратилась к пузатому чайнику Наташа, и поставила его на плиту.

Чайник расплылся в счастливой улыбке и, словно опомнившись, шепнул ей в ответ:

– Софья Ковалевская!

– Ах да! – спохватилась Наташа и упорхнула в гостиную.

До краёв наполнив комнату золотым сиянием нового дня, в ней бушевало Солнце. Лучистыми соцветьями отражаясь в стекле, оно играло, озаряло, переливалось и сулило счастье. Охваченная восторгом, Наташа закружилась по гостиной, как быстроекрылая стрекоза. Захлестнувшее её чувство было незнакомым, но оно уже не пугало Наташу. С каждым движением, с каждым поворотом головы, с каждым вздохом к ней приходила уверенность в том, что это их первый, но не последний танец с Солнцем.

Она чувствовала себя и вылупившейся из тесного кокона бабочкой, и уносимой дуновением ветра пушинкой, и прохладным мартовским утром, и вьюгой, и цветком, и трепетной паутинкой. Она ощущала себя то всемогущей властительницей Вселенной, то пылинкой, она то загоралась яркой звездой, то погружалась в пучину небытия.

– Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три – отсчитывало Солнце и Наташа кружилась в фееричном фуэте своей любви.

– Будь, что будет! – неожиданно остановившись, воскликнула Наташа, залилась громким смехом и, под восхищенные взгляды Софьи Ковалевской, упорхнула обратно на кухню.

Все в то утро заговорщицки шептались с Наташей. Предметы, отражения и даже внутренний голос как-то по-новому заговорили с ней. Притихла вечно ноющая поясница, а сердце больше не трепетало, оно мерно и величественно отсчитывало секунды новой Наташиной жизни.

Напевая поселившуюся в её голове мелодию, Наташа, как сказочная фея, порхала по кухне. Перелетая от плиты к столу, от шкафа к холодильнику, улыбаясь своим воспоминаниям, она творила в то утро волшебство.

Ей вдруг подумалось, что уже очень давно она не готовила завтрак на двоих. Словно заново открывая свой собственный мир, она дивилась тому, как математическая точность и аскетизм отразились в выбранных ею когда-то предметах. Её одиночество стало вдруг выпуклым, оно испуганно таранилось на неё крохотной сахарницей, микроскопической вазой, карликовой кастрюлькой.

Ощетинившись спицами, выглядывало из корзины «вязанье», в потёртом кресле, обижено надувшись, одиноко смотрел телевизор старомодный бабушкин плед. Очки «бабы Наты» подслеповато разглядывали женщину, занявшую место их хозяйки и порывались спросить о судьбе их прежней владелицы.

Отвечая на вопросы, непрестанно звучащие в её адрес со всех сторон, Наташа шутила. Она то принимала поздравления, то оправдывалась, то пела, то танцевала, то вдруг замирала и заливалась краской.

На возмущенные возгласы ставших ненужными и потому торопливо распахиваемых по шкафам предметов она, извиняясь, отвечала: «Ах, простите, это ненадолго!», но в глубине души Наташа хотела никогда больше не вынимать из шкафа старый плед, обшарпанную диванную подушку и фотоальбом с потрескавшейся обложкой.

Осторожно снимая с антресолей мамин чайный сервиз, она шептала ему: «Твой час настал!» Застилая стол новой скатертью, она представляла себя Василисой Прекрасной. Её движения стали невероятно лёгкими и пластичными. Остановливаясь у зеркал, она подолгу разглядывала своё отражения. Что-то неуловимо изменилось в ней и отражения стали к ней снисходительными. Она будто взяла в свои руки дирижерскую палочку, всё спорилось, а предметы безропотно покорялись её воле.

– Закипай! – велела пузатому чайнику Наташа, и он моментально разродился белыми клубами пара.

– Геркулес! – командовала Наташа, и из множества других бросилась в её руки нужная склянка.

Кинув придирчивый взгляд на произведенные изменения, оценив сервировку стола, разгладив последнюю морщинку на скатерти, Наташа вошла в спальню. Эмрэ спал.

– Проснись! – подумала Наташа, и возлюбленный открыл глаза.

В первые секунды после пробуждения он озабоченно смотрел в потолок. Затем, почувствовав её взгляд, он повернулся, увидел Наташу и улыбнулся.

– Гюн айдын, жаным⁸! – сказал он сонным голосом.

– Привет! Пойдём завтракать, – улыбувшись, сказала она и указала рукой в направлении кухни.

Эмрэ нахмурил брови, силясь понять незнакомую речь, и Наташа изобразила движения человека, поглощающего ложкой суп.

– А-а-а – заулыбался Эмрэ и, одобрительно кивнув, добавил ещё одно неизвестное Наташе слово, – Тамам⁹!

– Интересно, – думала она, – он пойдёт в душ или сразу на кухню? И как сказать по-турецки «душ»? А как показать?

Эмрэ направился в душ. Наташа торжествующе улыбалась.

– Старая дева, – подшутило над ней отражение.

– Сама такая, – смеясь, ответила Наташа...

Скрестив руки на груди, Эмрэ стоял в центре гостиной и разглядывал развешанные на стенах фотографии. Указав на детский снимок смеющейся Таньки, он сделал вопросительное лицо и показал на Наташу.

– Да, моя, – утвердительно закивала головой Наташа, – Это моя дочь Таня, – тщательно артикулируя, громко сказала она, – А это мои внуки, Катюша и Егорка.

Затем, повинувшись какому-то странному и глупому порыву, Наташа сделала рукой указующий жест в направлении стены и произнесла ещё громче:

– Они в Москве живут, – и добавила, – Ту-ту...

– Йок, – грустно сказал Эмрэ, ткнув большим пальцем в свою грудь.

«Йок» по-турецки означало «нет», это слово Наташа запомнила одним из первых, когда там, в ресторане, Мехмет преподавал им со Светой короткий курс турецкого языка.

⁸ Доброе утро, душа моя

⁹ Хорошо

– В каком смысле «йок»? У тебя нет детей? Или у тебя нет дочери? А жена у тебя есть? Эмре улыбнулся, пожал плечами и повторил:

– Йок.

Где-то в глубине сознания ёкнуло: «Господи, я же ничего не знаю о нем!», но она бесстрашно отмела эти робкие сигналы.

Почти весь день они провели вместе. Разговора снова не получалось. Смешно корчась и жестикулируя, они пытались что-то объяснить друг другу, но то были бесполезные попытки разума вторгнуться в царство естества.

Под вечер Эмрэ ушел. Там в прихожей, осыпая Наташу поцелуями на прощанье, он говорил ей какие-то слова, но они, непонятные и не понятые, слились в один слог: «Йёрум, Йёрум, Йёрум...»

Прижавшись всем телом к двери, за которой секунду назад скрылся её возлюбленный, она напряженно вслушивалась и вздрагивала. Пять ступеней вниз. Пролёт. Ещё пять ступеней. Ещё пролёт. Ещё пять ступеней. Тягучий скрип дверной пружины. Хлопок. Первый? Последний?..

Глава 7

Квадратура круга

Какое-то время после ухода Эмрэ Наташа бестолково суетилась, раскладывала одежду, переставляла местами предметы, мыла посуду. Затем она присела на табурет и замерла, словно впала в душевную кому. Не было звуков, движений, мыслей, всё затихло в опустевшем с уходом возлюбленного пространстве...

– Давай, мать, время идёт, так и останешься одна на старости лет, – вдохновляли Наташу на подвиги подруги, и она зарегистрировалась на сайте знакомств.

В первый же день обещанием орального счастья откликнулся на её объявление прыщавый подросток.

Следующим написал «уставший от одиночества романтик», который после двух дней валютекущей переписки назвал Наташу фригидной и испарился.

С разницей в неделю свою любовь ей предложили сразу двое женатых мужчин, которые, не погружаясь в глубину Наташиного внутреннего мира, предложили встречи на её территории.

Когда Наташа окончательно простилась с надеждой встретить в интернет-пространстве свою судьбу, появился 45-летний Сергей, «приятный блондин с чувством юмора и голубыми глазами».

– Приятный мужчина! Встречайся с ним в «Шоколаднице» на Проспекте в обеденный перерыв, мало ли какие придурки водятся в Сети, – разглядывая его фотографию, советовали подруги.

За столиком, где Наташу должен был ждать голубоглазый блондин, развалился лысеющий усач с круглым животом. Была небольшая надежда на то, что Наташа ошиблась и зашла в другое кафе, в другой день или хотя бы в другую Вселенную, но она не оправдалась: в руках усача были «Известия». Конечно, можно было пройти мимо, или, в крайнем случае, попросту сбежать, но «блондин», узнав Наташу, уже поднимался со своего стула навстречу «приятной женщине средних лет».

– Здравсьте, – выдавила из себя Наташа.

– Привет! – заулыбался «блондин» и, окинув её оценивающим взглядом, вальяжно представился, – Сергей.

Сергей был неприятен Наташе, но светлое пятно в его образе все же отыскалось, им оказался свежий носовой платок, и она согласилась на второе свидание.

Фотография, на которой Сергей был «блондином с голубыми глазами», как выяснилось, принадлежала его двоюродному брату, счастливо женатому и воспитывающему двоих детей.

– Я личность в нашем городе известная, – хвастливо объяснял он, – Вдруг секретарша узнает...

«Блондин» работал то-ли завгаром, то-ли завскладом на крупном производстве и относил себя к числу любимчиков Фортуны. Наташа прекрасно осознавала то, что пытается дотянуть несимпатичного ей мужчину до размеров своего эталона, но она понимала и то, что её эталон за годы ожидания принца потерял былой лоск, стал ниже ростом и располнел.

– А если это судьба? – подумала Наташа и пригласила Сергея в гости.

Она запекла утку с яблоками и истратила половину учительской зарплаты на красивое кружевное белье.

Наблюдая за тем, как гость, плотоядно причмокивая, обсасывает утиные косточки, она думала: «Усы сбреем, а так, мужчина вроде ничего»...

Когда, навалившись на неё своим круглым животом, он кряхтел, обливался потом и похрюкивал, Наташа вспоминала мамино наставление: «Стерпится – слюбится», и издавала неопределённые звуки в унисон Сергею.

На утро следующего дня, выпив кофе, он ушёл. Со смешанным чувством, в котором на одну единицу надежды, пришлось по десять единиц отвращения и стыда, Наташа ждала его звонка. Он не позвонил.

Через месяц, рассказывая Светке о случившемся, Наташа плакала от обиды.

– Ну, можно было хотя бы позвонить, чтобы я не ждала, не надеялась...

– Ты же знаешь, все мужики сволочи! – утешала её Света.

Это была ещё одна, не дожившая до заветного ЗАГСа, надежда.

«Год 2008. Время Сергея» – так назвала Наташа этот период своей жизни...

«Позвонит или не позвонит? – вот в чём наиглавнейший вопрос нашей с вами современности» – перефразируя Шекспира, шутила когда-то одна из Наташиных подруг.

Да, от того, позвонит или не позвонит мужчина на следующий день после проведенной вместе ночи, зависит то, как проживет ближайшее время своей жизни женщина...

Эмрэ не звонил. Наташа нервничала. Страх неумолимо подкрадывался к ней. Беспрестанно проверяя мобильник, она старалась отвлечься от тягостных мыслей. Несколько раз звонила Света, но Наташа не ответила на звонки. Ей не хотелось ни с кем говорить.

«Жива» – написала она короткое сообщение подруге.

«ОК» – ответила та.

К восьми вечера Наташа разнервничалась окончательно и, словно почувствовав её настроение, старинная мамина чашка вырвалась из рук и отчаянно бросилась на холодную гладь кафеля.

– Это на счастье! – неуверенно сказала себе Наташа, прибирая осколки.

Ей вдруг очень захотелось увидеть маму и, торопливо швырнув осколки чашки в мусорное ведро, она вышла из кухни в гостиную. Там, на антресолях, лежало мамино наследство: жестяная банка с полустёртой надписью «Монпасье» и потрёпанный фотоальбом.

– Мамошка, моя, как ты там? Упокой Господь твою душу, – приговаривала Наташа, поглаживая обложку старого альбома.

С черно-белых снимков на неё смотрели люди с грустными глазами. Отчего-то лишь сейчас Наташа заметила это: ни на одной из фотографий ни мама, ни бабушка, ни дед-фронтовик не улыбались.

Они и в жизни были не очень улыбчивыми людьми. Бабушка Валя совсем девчонкой сбежала на фронт, дед Коля воевал с первых дней и дошёл до Берлина. Там, в далёком Берлине, они с бабушкой и познакомились.

– Гулаг какой-то, – сказала Наташа и захлопнула альбом, – Кто-нибудь в этой семье был счастлив? – спросила она пустоту.

Пустота молчала и Наташе снова стало страшно. Этот страх уже давно заходил к ней в гости. Он становился на цыпочки, бесшумно подкрадывался и начинал свои нащёптывания. У Наташиного страха было высшее образование и богатый словарный запас.

– Квадратура круга – шепнул страх и растёкся мурашками по коже.

– А в чём же абсурд?

– Нонсенс, – прошелестел в ответ её дипломированный собеседник...

Нонсенсом была её попытка выйти замуж за Петра Васильевича, логопеда из районной больницы. Жизнь разведенной женщины не часто балует её женихами, тем более она не балует кавалерами школьных учительниц. Периодически мужчины, конечно же, появлялись, но боль-

шинство их них давали «задний ход», не желая брать замуж «разведенку с прицепом». Логопед районной больницы Петр Васильевич был из числа немногочисленных смельчаков. Он был приятен во всех отношениях, к тому же союз врача и педагога Наташа считала вполне логичным.

– Проклятый кинематограф! – сетовала она после, коря знаменитую новогоднюю комедию.

Их встречи были интересными. Наташа рассказывала о своих учениках, Петр Васильевич по секрету делился с ней диагнозами пациентов горбольницы. Интеллигентный логопед, который на радость Наташе не полез ей под юбку в первый же вечер, блистал знаниями в области устройства человеческого организма и периодически переходил на латынь. Благодаря ему Наташин лексикон обогатился словом «мускулюс».

В её воображении уже отгремел свадебный марш и Петр Васильевич, поселившись в Наташиной квартире, уже отремонтировал стиральную машину, пылесос и старый утюг.

По пятницам они, мирно беседуя, смотрели телевизор, а в выходные ездили на дачу.

Подруги благосклонно отнеслись к Наташиному выбору, и она пригласила «жениха» на ужин. Были зажарены цыплята, наструган винегрет и открыта баночка обалденных, заботливо засоленных осенью, боровичков.

Логопед пришёл вовремя. Стыдливо зажав под мышкой букет с хризантемами, он неуверенно поздоровался и вручил ей булькнувший сверток. Подарком оказалась бутылка «Столичной», которая, по мнению гостя, была весьма уместной, особенно в свете хрустящих боровичков. Хризантемы были вручены позже.

«Если собираешься выйти замуж, напои своего жениха» – гласит народная мудрость. Через полчаса, когда жених не смог членораздельно произнести слово «винегрет», Наташа в очередной раз убедилась в мудрости русского народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.